

ЗУБР УШЕЛ. КТО ПРИДЕТ?

● **СОЦИАЛИЗМ — ЭТО РАСКРЫТИЕ СПОСОБНОСТЕЙ, ВСЕМЕРНОЕ РАЗВИТИЕ ТАЛАНТОВ, КУЛЬТ ЗНАНИЙ, ДЕРЗАНИЕ, ПОНСК — В ТОМ ЧИСЛЕ И НАУЧНЫЙ.**

Сегодня на вопросы «Учительской газеты» отвечает ученый-генетик **Наталья Алексеевна ЛПУНОВА**. Наверное, многие наши читатели знакомы с ней по повести Даниила Гранина «Зубр», написанной в «Новом мире». Наталья Алексеевна ученица Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского, дочь известного советского математика, одного из создателей кибернетики **Алексея Андреевича Ляпунова**.

— Наталья Алексеевна, вы представитель потомственной русской научной интеллигенции, фамилия Ляпуновых внесла немалый вклад в русскую науку; судьба дала вам возможность общения с людьми удивительного масштаба знаний; вы современный ученый, имеющий опыт педагогической работы. Как вы считаете, насколько высок сейчас в обществе престиж знаний? Ваше отношение к знаниям?

— Отношение идет, конечно, прежде всего от семьи, от отца. Знания у нас всегда ставились превыше всего. Другое отношение я не представляю. И считаю, какие бы ни стояли сейчас перед обществом первоочередные задачи, все-таки воспитание людей истинно образованных — первая. (Понятие «образованный» для меня означает широту, глубину знаний и интеллигентность, что безусловно включает в себя высокое чувство ответственности). Будет это, будет все. Не будет, мы даже экологически не сможем выжить. Наше невежество погубит природу. Недавно я была в Ильменском заповеднике на съемках фильма о Николае Владимировиче Тимофееве-Ресовском. Там есть замечательный сохотлов лес дуба и по своему устройству поощвляет, то понижает уровень воды. Людям даже не приходит в голову, что сложная жизнь озера гибнет, она может существовать только на определенной глубине. Зато два десятка человек получают премию. Знаний над природой есть, а знаний нет. По бумажкам у нас все образованнее, а вот на самом деле... Решая сегодняшние задачи, нельзя забывать о будущем: научный, культурный потенциал нации — главное. Все наши ошибки неминуемо возвращаются. Посмотрите, что сейчас происходит с генетикой: нам не хватает людей, кому-то занять ключевые посты. Ведь нынешнее поколение московских генетиков, моих ровесников, — это сорок-

пятьдесят человек, которые учили когда-то генетику.

Часто судьба человека определяется тем, какого масштаба личность встретил он на своем пути. Чем, например, поразили многих Зубр, тем, что даже не представляли, что такого «фроста» люди могут быть среди нас. К несчастью, сейчас мы иногда не очень представляем, что такое по-настоящему образованный человек. Студенты лишены контакта с крупными научными учреждениями. Не было системы приглашения на совместительство. Штаты вузов раздуты. А ведь людям, которые оседают в вузах, ничего не стоит перестать самосовершенствоваться — это ни на чем не отразится — и вести свои стандартные занятия по накатанной колее. А кто пожелает радом?

К сожалению, мы мало ценим людей знающих, эрудированных. Возьмите судьбу самого Николая Владимировича. Эрудит в разных областях знаний, человек очень требовательный к качеству знаний, которые он давал, ученый мирового масштаба, работал в Свердловске, получая 140 рублей, как старший лаборант, с правом выполнять функции заведующего лабораторией.

В шестьдесят четвертом году, когда переехал в Обнинск, опять работал старшим лаборантом. К сожалению, когда молодежь видит, что образование так мало ценят, это очень влияет на выбор: идти или не идти в науку. Конечно, всегда есть люди, которые при любой зарплате будут бескорыстно заниматься

наукой. В свое время у Льва Александровича Blumenфельда, руководителя кафедры, на которой я работала, спросили: — Что нужно уметь делать, чтобы быть настоящим ученым? — Очень просто, — ответил он. — Не уметь делать ничего другого.

Другая беда нашего образования в том, что школа и вуз стригут всех под одну гребенку. Не слабых подтягивают к сильным, а сильных приравнивают. Традиции тут давние. До сих пор помню, как в пятом классе я стала рассказывать об инфузории-туфельке. Не то, что была в учебнике. Не то, что знала в университетском кружке. И учительница, очень хорошая учительница, сразу вдруг посмотрела на меня стекляно и сказала:

— Конечно, похвально, что ты занимаешься в кружке, но не у всех есть такая возможность. Пожалуйста, рассказывай только то, что в учебнике.

У нас дома бывали традиционные Ляпуновские четверги. В ноябре 1955 года выступал Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Это была его первая публичная лекция в Москве после возвращения. Народу в квартире набилось человек пятьдесят. Потом на комсомольском собрании в университетском здании мое личное дело. Но предложение об исключении из комсомола, что было равносильно исключению из университета — не прошло, хотя на факультете была тогда мощная лысенковская коалиция. Вынесли

выговор «за верхояглядство в науке, выразившееся в некорректном отношении к неправильным мыслям отца». (Верхоглядство заключалось в том, что мы с сестрой выучили всю формальную генетику).

Ограничения, принуждение, давление противопоставляли школе, вузу. То, что все должны учиться одинаково количество лет и усваивать одинаковый объем знаний, с точки зрения генетики, абсурд. Люди же настолько генетически различны и полиморфны генетически настолько важное и принципиальное качество человека, что не считается с этим нельзя. Человечество надо создавать все условия, чтобы оно смогло наилучшим образом сделать то, что оно хочет и что оно может. Конечно, начальные классы школы должны быть в очень значительной мере ориентированными и направляющими. Тут должны работать очень тонкие специалисты, с очень точным медицинским, генетическим и педагогическим чутьем. Педагог обязательно должен почувствовать в ребенке его индивидуальность. (Кстати, интерес у педагогов к генетике — огромный, поэтому лично никогда не отказываюсь читать лекции в институте усовершенствования учителей). Сейчас мы сплошь и рядом ставим ребенка делать то, что ему несвойственно. И это грозит тем, что его потенциальные творческие возможности никогда не будут раскрыты.

Мой отец, Алексей Андреевич Ляпунов, считал, что неправиль-

но поступают родители, которые с детства начинают вымущивать детей в своей узкой специальности. Ведь он нам давал и математику, и физику, и биологию, астрономию, лингвистику, живопись, литературу, музыку, где прорезался. У него был врожденный педагогический дар. Он всю жизнь преподавал. И понимал это гораздо шире, чем чтение лекций. Где бы ни был, всегда вокруг него толпа ребят. В Ильменском заповеднике, кажется, дикий лес, вроде нет никого. Получаса не пройдет: вокруг какие-то школьники, студенты, оказывается, где-то тут были на практике — и уже хвостиком за ним, потому что он все время рассказывает, все знает, и совершенно не умеет держать это только при себе. В Ильменском заповеднике один старый геолог рассказывал мне: «Алексей Андреевич был у нас в лапсе, а под березкой я саду спал. До сих пор помню: будит меня ночью: «Прогрессит, хотица ты в ам звездное небо покажи, сегодня звезды отлично видно».

Отец всегда считал, что народное образование должно быть в центре внимания каждого образованного культурного человека. Он создавал физико-математическую школу в Новосибирске. Был организатором и душой всех сибирских олимпиад для школьников, читал в обычной школе экспериментальный курс математики. Школьный курс геометрии давал за четыре часа. Считал, что если человек усвоит общие принципы анали-

за, то докажет любое теорему. А доказывать каждую теорему в отдельности, как сейчас в школе, — архаизм и вредно: отучает от логического мышления. Педагогический эксперимент в Новосибирске тогда, в 60-е годы, очень широко ставился, сейчас все в значительной мере затглоло, ведь держалось на одном энтузиазме). После смерти отца я подготовила монографию: его статьи по принципиальным проблемам образования, которые он писал для ЮНЕСКО, о современной математике и математическом образовании, о подготовке инженеров-математиков для автоматизации управления. Как много из того, что он говорил, сейчас открывают вновь, а много еще и не открыли. Тогда рукопись с удовольствием приняла в издательстве «Педагогика», но потом вернула.

Отец считал, что наука в вузе, особенно педагогическом, должна быть пережающей, чтобы специалист оканчивал его подготовленный к той науке, в которую он войдет, а не к той, что была за пять лет до его поступления в институт.

У таких людей, как Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский и как мой отец, знания всегда сопрягались с большой ответственностью. Это требовало мужества. На протяжении всей жизни. Еще на первом курсе отец отчислился из университета. Это был 29-й год — в Москве разрушали церкви. Студента подписали письма — инцидент из-за сизу — эти кресты позорят нашу христианскую, и дальше переучили в пансионате, подлежащих ликвидации. Таким же он был, когда отстаивал «лаженауку» — кибернетику, помогал генетикам. С Николаем Владимировичем Тимофеевым-Ресовским их связывала глубокая дружба, и думаю, что главным здесь была эта позиция ответственности. И оба они никогда не теряли восторга перед знаниями.

Записала
И. ГОЛУБЕВА.